

ВЕЙХМАН Г. А.

ДЕРИВАТЫ ВОПРОСО-ОТВЕТНЫХ ЕДИНСТВ

Термин «деривация» в настоящей работе употребляется в широком значении — как «процесс образования... в языке любого вторичного знака, который может быть объяснен с помощью единицы, принятой за исходную, если выведен из нее путем применения определенных правил» [1].

В синтаксической литературе неоднократно отмечалось, что некоторые типы сложноподчиненных предложений (СПП)¹ возникли из сочетания вопроса с ответом. Такая концепция по необходимости выдвигает целый ряд проблем. Если такие СПП являются дериватами вопросо-ответных единств (ВОЕ), то каковы правила их деривации? Почему между вопросительным и ответным компонентами употребляются заместители? Например: *Что было в самом деле хорошо, так это прогулки во всякую погоду три раза в день* (пример дается по [5, с. 45]). И если первый компонент действительно вопрос, то почему его можно поставить после ответа? Ср.: *Прогулки во всякую погоду три раза в день — вот что было в самом деле хорошо*. Более того, в других языках, например, в английском, у соответствующих СПП есть некоторые дополнительные особенности, отличающие их от ВОЕ. Так, почему порядок слов придаточных часто отличается от порядка слов соответствующих вопросов? Ср.: *What do I mean?* «Что я имею в виду?» и подлежащую придаточную часть *what I mean* в СПП: *But what I mean is I feel a lot better* (D. Morrel. First blood) «Но что я имею в виду, это то, что я чувствую себя гораздо лучше». Если это сочетание вопроса с ответом, то как они оказались соединенными связкой (*is?*) Если это все же дериват ВОЕ, то какие другие дериваты ВОЕ имеются в языке? Возможно ли, например, объединение вопросительных и ответных компонентов без связок и заместителей? Образуют ли дериваты ВОЕ какую-либо определенную систему? Если да, то какова их таксономия? Какое значение может иметь их изучение? Поиски ответов на эти вопросы и привели к написанию настоящей статьи.

*

Поскольку предполагаемая исходная единица (ВОЕ) характерна для диалога, а ее предполагаемые дериваты — для монолога, целесообразно начать с рассмотрения синтаксического взаимодействия между этими двумя формами речи.

В диалогических единствах, построенных по моделям предложений, когда второй собеседник присоединяет свою реплику к реплике первого собеседника, тем самым подменяя его, диалог следует нормам монологической речи. Например: англ. *You're not...? — Joking?* (R. Bradbury.

¹ Мы считаем СПП научной фикцией [2, с. 106; 3, 4], но вынуждены пока пользоваться традиционной терминологией за неимением иной.

I sing the body electric!) «Вы не...? — Шутите?» Однако значительно чаще наблюдается обратная картина — своего рода примат диалога над монологом. Монологические ВОЕ и предложения строятся по образцу диалогических единств; диалогические реплики и единства служат строительным материалом для предложений [6—8]. Так, сложносочиненные предложения могут возникать под влиянием обмена повествовательными диалогическими репликами, а бессоюзные сложные предложения — под влиянием диалогических ВОЕ [9]. Некоторые придаточные развились из ВОЕ [10], а другие — из вопросов, причем их главные части образовались, полностью или частично, из ответов [11—15]. Из вопросительных, а не только из опативных предложений (ср. [16, с. 77]) возникают союзные придаточные условия. Ср. такой вопрос — потенциальную придаточную часть в составе английского диалогического ВОЕ: *If I could be sure of having some time off most days? — Oh, of course* (A. Christie. What Mrs. McGillicuddy saw!) «Могу ли я рассчитывать, что у меня будет некоторое свободное время большинство дней? — О, конечно». Но соответствующее СПП образуется в результате объединения вопроса не с ответом, а с соседним предложением, высказываемым тем же лицом. Ср.: *Let's walk. If you would n't mind walking?* (F. J. Lipp. Rulers of darkness) «Пойдемте пешком. Если Вы не против того, чтобы прогуляться?» Независимость потенциальной придаточной части *If... walking* еще заметна из-за ее вопросительной (повышающейся) интонации и сохранения признака ее присоединения — паузы перед *if*. Следующим шагом является исчезновение паузы: *My train arrives at Chipping Cleghorn at 6.15 if that's convenient?* (A. Christie. A murder is announced) «Мой поезд прибывает в Чиппинг Клегхорн в 6 час. 15 мин., если это удобно». Последним этапом преобразования вопроса в придаточную часть было бы изменение мелодии. Ср. также: *He согласитесь ли Вы перевести несколько из его драматических очерков? В таком случае буду иметь честь препроводить к Вам его книгу → Если Вы согласитесь (то) буду...* [17].

Некоторые союзы, например, *но, а, да, и*, образовались в диалоге из восклицаний [18], а некоторые — из вопросов, например, франц. *car* «потому что, так как, ибо» [16, с. 79; 19, с. 24], англ. диал. *for why* «потому что» [19, с. 25].

Часть препозитивных связующих словосочетаний типа англ. «(whether) + повтор + *or* + отрицание (повтор)/антоним» и русск. «(корневой) повтор (+или) + отрицание (повтор)/антоним» возникли при повторении одного или нескольких компонентов предыдущей диалогической реплики (или реплик). Ср. англ. (детск.) *Ready or not, here I come* (J. Blume, Otherwise known as Sheila the Great) и русск. (детск.) *П о р а - н е п о р а, иду со двора!*

Монологические высказывания и их части нередко возникают в диалоге через переспросы. Например, английские восклицательные предложения типа *Was I surprised!* (E. Abbey. The brave cowboy) «Ну и удивился же я!» возникли как переспросы после общих вопросов (здесь *Were you surprised?* «Вы удивились?»)².

Аналогично образуются некоторые подлежащие простых предложений. Ср.: *Result? An exchange visit of factory workers to the countryside* [Daily Worker (L.) 1958. 24 Oct.] «Результат? Ответный визит рабочих в деревню»; *Result — a nasty attack of gastroenteritis* (A. Christie. What Mrs. McGillicuddy saw!) «Результат — ужасный приступ гастроэнтерита».

² Восклицания, подобные *Was I surprised.*, справедливо называют exclamatory questions («восклицательными вопросами») [20, с. 183].

Из слияния переспросов с ответами произошли немецкие предложения типа *Brot gibt es heute nicht* «Хлеба сегодня нет», а также французские бессоюзные сложносочиненные предложения типа *Il pleut, nous ne sortirons pas* «Дождь идет, мы не выйдем». Ср. нем.: *Brot? Gibt es heute nicht!* [21]; франц. *Il pleut? Nous ne sortirons pas* [16, с. 71].

Сходным путем возникли некоторые предложения с «именительным темь» и его репризой. Ср. англ.: *I always thought you'd be a good model. — Me? I'm too fat* (J. O'Hara. From the terrace) «Я всегда считал, что ты будешь хорошей манекенщицей. — Я? Я слишком толстая»: *Me, I reason* (A. Christie. Dumb witness) «Я, я рассуждаю». Интересно, что во времена Шекспира в предложениях типа *Physic for 't, there's none* (W. Shakespeare. Hamlet) «Лекарства от этого (.) нет никакого» интонационная граница между «именительным темь» (здесь *Physic for 't*) и базой предложения уже сглажена (занятая вместо вопросительного знака), а в соответствующих современных английских предложениях она стерлась полностью. Ср.: *Sounds there were none except the murmur of the bees* [22] «Звук не было никаких, кроме жужжания пчел». Ср. также отсутствие интонационного пограничного сигнала в современных немецких предложениях сходной модели: *Kaffee gibt es keinen* «Кофе нет».

Переспросы способствовали превращению некоторых слов в союзы, например, англ. *so* «поэтому, следовательно, так что». Ср.: *...from then on civilian authority wouldn't be worth a nickel. — So o? — So the President gets open-and-shut evidence in his hands* (F. Knebel. C. Bailey. Seven days in May) «...с этого момента власть гражданской администрации гроша ломаного бы не стоила. — Так что? — Так что президент получает в руки неопровержимые улики». *The day to pay up is a long way off so why worry* (J. Jakes. Conzaga's woman) «День расплаты далеко, поэтому к чему волноваться?» В первом примере *so* является переспросом, а во втором — союзом. То, что союз *so* образовался из переспроса *so*, подтверждается наличием промежуточных стадий. Например: *Despite that, however, we have ruling today only the voice and the will of money, and none other. A n d s o, why the ballot?* (T. Dreiser. Essays and articles) «Несмотря на это, однако, у нас сегодня правит только голос денег и больше ничего. И поэтому (.) к чему выборы?» Здесь *And so* уже не переспрос, но еще обособлено и, следовательно, еще не союз.

Переспросы необходимо отграничивать от коррелятов вопросов, т. е. от (видоизмененных) повторов вопросов и эквивалентов повторов — семантических замен [2, с. 97—98]. Это перекрещивающиеся понятия. Переспрос может быть коррелятом не только вопросительной, но и повествовательной или побудительной реплик. С другой стороны, переспросы после вопросительных реплик принадлежат к той части коррелятов вопросов, которые при наличии ответов стоят перед ними, являются свободными (т. е. образуют отдельные фразы — отрезки речи, ограниченные фразообразующими пограничными сигналами [23, с. 61]), сохраняют порядок слов вопроса и произносятся с повышающейся интонацией. Ср. сверхфразовые единства (СФЕ) (корреляты вопросов выделены разрядкой): *How did you like it? — Fine. I l i k e d i t* (J. O'Hara. From the terrace) «Как Вам это понравилось? — Очень. Мне это понравилось»; *Then how do you feel about me? — H o w d o I f e e l a b o u t y o u ? The same as I always do* (J. O'Hara. From the terrace) «Тогда как ты ко мне относишься? — Как я к тебе отношусь? Как всегда». Оба коррелята вопросов свободные, но только второй (переспрос) употреблен перед ответом, сохраняет порядок слов вопроса и произносится с повышением тона.

Наряду со свободными коррелятами вопросов есть связанные. Они образуют только часть фразы, а другую ее часть составляет ответ, например, в так называемых «полных ответах» [24] типа: *What do you want to eat, Al? — I don't know. I don't know what I want to eat* (E. Hemingway. *The killers*) «Что ты хочешь есть, Эл? — Я не знаю. Я не знаю, что я хочу есть». В таких случаях связанным оказывается и ответ (второе *I don't know*).

Предложение, возникающее при объединении коррелята вопроса и ответа в одну фразу, может быть не только сложным, но и простым. Например: *Only twice was she interrupted* (A. Hailey. *Hotel*) «Только дважды перебили ее». Такие эмфатические предложения, по-видимому, возникли из слияния ответа с коррелятом общего вопроса. Это подтверждается наличием инверсии в их втором компоненте и тем, что их первый компонент, подобно ответу, всегда является ремой. Этапы их становления можно реконструировать следующим образом: диалогическое единство (*Was she interrupted? — Only twice* «Перебили ее? — Только дважды») → повтор вопроса после ответа → употребление таких предложений без предшествующего вопроса.

Коррелят вопроса может быть полным и частичным. Ср.: *Why should you bother? — Goodness knows why I should bother* (D. Eden. *Whistle for the crows*) «Почему Вы должны беспокоиться? — Бог его знает, почему я должен беспокоиться»; *Why do you want he should be a Communist? — I don't know why* (D. Carter. *Tomorrow is with us*) «Почему Вы хотите, чтобы он был коммунистом? — Не знаю, почему». В первом примере коррелят вопроса (*why I should bother*) полный, а во втором — частичный: повторено только местоименное наречие *why*. В этом плане переспросы не отличаются от других коррелятов вопросов. Ср. частичный переспрос: *You see that? — See it!* (E. Queen. *The murderer is a Fox*) «Вы видите это? — Вижу это?»

Переспрос принадлежит диалогу. Поэтому коррелят вопроса, заданного в монологе, естественно, не может быть переспросом. Например: *So who do they get to take his place? Me, that's who* (J. D. Salinger. *The catcher in the rye*) «Так кого они получают вместо него? Меня, вот кого».

Наиболее типичным дистрибутивным и семантическим эквивалентом повтора является замена вопросительного слова неопределенным местоимением. В частичных коррелятах вопроса замена может употребляться одна, а в полных коррелятах — в сочетании с повтором. Ср. частичные корреляты, где в первом *what* повторено, а во втором заменено на *all*: *What's the matter with you? — I'm sick of the way you treat your wife, that's what!* (C. McCullough. *The thorn birds*) «Что с Вами? — Я больше не могу видеть, как Вы обращаетесь с Вашей женой, вот что!»; *What's the matter with them? — Manchester United's losing, that's all* (Mozaika. 1971. June) «Что с ними? — Манчестер Юнайтед проигрывает, вот и все!». Ср. полные корреляты, где первый состоит из повтора *what you need*, а во втором повторено *you need*, в то время как *what* заменено на *all*: *What you need is a good night's sleep* (J. H. Chase. *He won't need it now*) «Что Вам нужно — это хорошенько выспаться»; *All you need is love* (названия песни) «Единственное, что тебе нужно, — это любовь». Для переспросов специфична полная или частичная абстрагирующая замена предыдущей реплике, например: *Then why did you sell yourself to the devil in Zanzibar? — What?* (B. Shaw. *Heartbreak house*) «Тогда почему Вы продали себя дьяволу в Занзибаре? — Что?»

Если вопросительных компонентов два, причем второй является повтором или заменой первого, определить, какой из них вопрос, а какой его коррелят, не составляет труда. Сложнее дело обстоит, если вопросительный компонент один. В таких случаях приходится опираться на показания интонации и на факультативные маркеры, частично совпадающие с теми, которые помогают отличать коррелят вопроса от переспроса:

а) По отношению к ответу вопрос всегда находится в препозиции, а коррелят может занимать и другие позиции. Например: *I haven't the slightest idea. What's more, don't even know the names of the two ladies* (D. du Maurier. Don't look now and other stories) «Я не имею ни малейшего представления. Более того, даже не знаю, как зовут этих двух дам». О том, что *what's more* является не вопросом, а коррелятом, свидетельствует его частое употребление в постпозиции. Ср.: *The steward brought in her tea, and this time there were cherry jam and scones, freshly baked, what's more* (D. du Maurier. Don't look now and other stories) «Стюард принес ее чай, и на этот раз были вишневый джем и лепешки, свежее испеченные к тому же».

б) Вопрос и его коррелят могут различаться интонацией и порядком слов. Ср.: *What I did, I started talking, sort of loud, to Allie* (J. D. Salinger. The catcher in the rye) «Что я сделал, я начал говорить, довольно громко, с Элли»; *Come what may, there's one thing I know* (K. Winsor. Forever Amber) «Что бы ни случилось, я знаю одно». Корреляты вопросов *What I did* и *Come what may* отличаются порядком слов от соответствующих вопросов *What did you do?* «Что Вы сделали?» и *What may come?* «Что может случиться?» В первом примере прямой порядок слов коррелята сменил инверсию вопроса, а во втором инверсия коррелята сменила прямой порядок слов вопроса³.

в) Объединение в одну фразу с ответом более характерно для коррелятов, чем для вопросов. Модели вопросо-ответных фраз немногочисленны. Например, объединение специального вопроса с предполагаемым ответом в сложный вопрос, типа: *Where would you go — Australia?* (J. Cleary. The High Commissioner) «Куда бы Вы поехали — в Австралию?»

Таковы закономерности, лежащие в основе образования коррелята из вопроса в английском языке. Их наличие позволяет (в соответствии с принятым определением деривации [1]) считать коррелят дериватом вопроса. Соответственно, наличие в составе синтаксической единицы как минимум одного коррелята вопроса и одного ответного компонента позволяет считать такую единицу дериватом ВОЕ. Помимо этих двух обязательных компонентов, в английских дериватах ВОЕ могут факультативно употребляться дополнительные корреляты вопросов и ответные компоненты, а также вопросы и операторы: связки и заместители. Ср.: а) *What you are doing is betraying us* (E. L. Doctorow. Ragtime) «Вот что Вы делаете — Вы предаете нас»; б) *What you were doing was both very wrong and entirely illegal* (G. Griffin. An operational necessity) «(То), что Вы делали, было и совершенно неправильно, и незаконно». В предложениях (а) и (б) есть корреляты вопросов (*What you are doing* и *What you were doing*) и связки (*is* и *was*), но только в (а) есть ответ (*betraying us*). Поэтому (а) является дериватом ВОЕ, а (б) — нет.

Образование дериватов ВОЕ сближается с морфологическим слово-

³ В английском сохранение в корреляте порядка слов вопроса в принципе характерно для коррелятов неинверсионных специальных вопросов, а также для разговорного стиля и некоторых диалектов (например, ирландского) [20, с. 277].

образованием тем, что здесь тоже могут участвовать операторы (в данном случае — связки и заместители). Но они факультативны, и поэтому главным способом превращения ВОЕ в его дериват является образование коррелята вопроса с помощью повтора и/или семантической замены и изменения интонации. Факультативны при этом изменение порядка слов и позиции по отношению к ответу, объединение с ним в одну фразу и свертывание полного коррелята в частичный. Поскольку фокусом основных преобразований в ходе деривации является коррелят вопроса, его можно считать активным членом деривации, в то время как ответ является членом пассивным.

Факультативность заместителей и связок может свидетельствовать о том, что они появились в дериватах ВОЕ на более поздних стадиях развития последних. Будучи промежуточными коррелятами последовательной корреляции [2, с. 98] между вопросительными словами и ответами, интерпозитивные заместители расчлняют дериваты ВОЕ, тем самым облегчая их произнесение и понимание. Иными словами, избыточность, возникающая при употреблении интерпозитивных заместителей, полезная, поскольку обеспечивает надежность передачи информации.

Механизм появления связки в современных английских дериватах ВОЕ стал бы яснее, если бы удалось установить, с каким из обязательных компонентов она объединена сильнее, с коррелятом вопроса или с ответом. Однако вопрос о ее принадлежности к левой или правой непосредственно составляющей (НС) пока считается открытым. Ср.: *What I heard, was that he turned them down* и *What I heard was, he turned them down* [25] «Я слышал, что он от них отказался». Интонационный пограничный сигнал подвижен: он может предшествовать глаголу *to be* «быть» или следовать за ним. Более того, возможно употребление даже двух пограничных сигналов: до и после *to be*. Например, *All I know, is, it suits Tom Sawyer* (M. Twain. *The adventures of Tom Sawyer*) «Я знаю одно: это подходит Тому Союеру». Здесь членение на НС вообще оказывается невозможным.

Употребление кратких форм связки *is* тоже не дает ответа на вопрос о тяготении связки к тому или другому обязательному компоненту, поскольку эти формы всегда сливаются с предшествующим словом, будь то часть коррелята вопроса или часть ответа. Ср.: *All we want's your blessing* (W. V. T. Clark. *The Ox-Bow incident*) «Единственное, что нам нужно, это Ваше благословение»; *A jug of water's what she wants* (J. B. Priestley. *Angel pavement*) «Кувшин воды — вот, что ей нужно».

Согласование связки с предшествующим или с последующим существительным или местоимением также не может служить надежным маркером, поскольку оно практически непредсказуемо. Например: *What they sell are/is rejects* [26] «То, что они продают, является/являются бракованными изделиями». Правда, здесь можно отметить две заслуживающие внимания закономерности. Во-первых, если ответ находится в препозиции, глагол согласуется с его субстантивом. Например: *Boys like that seem to be what our Army's made of* (C. B. Wood. *Welcome to the Club*) «Такие ребята, до-видимому, то, из чего состоит наша армия». Во-вторых, передко, особенно в разговорной речи, связка согласуется с ближайшим существительным. Ср.: *Where the problem begins is exactly what is democracy* (J. Aldridge. *The USSR offers a way of living together without hostility or threats*) «Трудность начинается тогда, когда нужно определить, что именно является демократией»; *Where its deficiencies lay were in operating areas* (A. Hailey. *Airport*) «Его недостатки —

в рабочих зонах». Но очевидно, что этого мало для вывода о том, как связка появилась в рассматриваемых предложениях.

И все же есть некоторые данные, которые, по-видимому, приближают решение рассматриваемой проблемы. Как показал материал, обычно связка интонационно объединяется с ответом, если он выражен полнозначным словом или заместителем с конкретизирующим его последующим членом — предикативной единицей или словосочетанием (но не прямой речью). Например: *And what made it real work... w a s our Union!* (D. Carter. *Fatherless sons*) «И что сделало это настоящей работой... это наш профсоюз!»; *What he heard, w a s this: the twitter, twitter of many a bird* (C. Herbert. *Robin Hood and his merry men*) «То, что он услышал, было чириканьем множества птиц».

Обычно связка интонационно объединяется с коррелятом вопроса, если ответ находится в препозиции, в экстрапозиции, выражен предикативной единицей или прямой речью. Например: *It doesn't last too long, i s what I mean* (J. D. Salinger. *The catcher in the rye*) «Он не продолжается слишком долго, вот что я имею в виду»; *And of late my father has been — well, all I can say i s, highly injudicious in some of his financial dealings* (A. Christie. *A pocket full of rye*) «А последнее время мой отец был — ну, единственное, что я могу сказать, крайне неосмотрителен в некоторых своих финансовых делах»; *What I mean i s, Barbara was a bit of a singleton in some way* (A. Christie. *A murder in the mews and three other Poirot cases*) «Что я имею в виду, а это то, что Барбара была несколько наивной кое в чем»; *All it said w a s: «Please!»* (R. Chandler. *Red wind*) «Единственное, что там говорилось, было (:), „Пожалуйста“».

Интонационный пограничный сигнал может быть усилен вставкой вводного (часто модального) слова, словосочетания, предикативной единицы, авторской речи. В целом их вставка не отражается на отмеченной выше тенденции. Но если вставка содержит глагол, коррелирующий со связочным, она расчленяет предложение после связки. Например: *What you are saying i s, i s i t n o t, that a modern aircraft... can easily search the entire area...?* (G. Griffin. *An operational necessity*) «То, что Вы говорите, это, не так ли, то, что современный самолет может легко обследовать целый район?»

Как правило, обращение расчленяет предложение перед связкой. Например: *All I ask, f e l l o w s, i s don't judge the rest of the army by me* (F. J. Lipp. *Rulers of darkness*) «Единственное, о чем я прошу, ребята, это не судите обо всей армии по мне».

По-видимому, если связка интонационно объединена с предпозитивным коррелятом вопроса, она появилась в рассматриваемых предложениях по аналогии с употреблением связок в простых предложениях и в СПИ с придаточными предикативными. Если же связка интонационно объединена с постпозитивным обязательным компонентом, они могли появиться вместе как единое целое, построенное по образцу древнеанглийских [27], среднеанглийских [28] и современных бесподлежащих предложений типа: *Yeah, sure w a s a good meeting* (A. Maltz. *The underground stream*) «Да, конечно, было хорошее собрание». Это подтверждается наличием предложений, где сочетание связочного глагола с препозитивным компонентом без постпозитивного дает конструкцию неотмеченную. Например: *When I was a boy on this very place at Christmas time, s e e m s only yesterday* (M. Walker. *Jubilee*) «Когда я был мальчиком в этом самом месте на рождество, кажется, только вчера». Ср.: **When I was a boy on this very place at Christmas time s e e m s*.

Основаниями деления на высших уровнях классификации современных английских дериватов ВОЕ служат их моделиобразующие признаки (дериватом вопроса какого типа является коррелят, наличие вопроса и операторов), а на низших уровнях — вариативные признаки: степень развернутости и связанности коррелята вопроса (полный/частичный, свободный/связанный), степень связанности ответа, позиция обязательных компонентов и операторов, наличие расширения за счет употребления одного коррелята вопроса, ответа или заместителя (рамки статьи вынуждают нас опустить саму классификацию моделей).

В большинстве моделей дериватов ВОЕ отсутствуют вопросы. Представляется правомерным считать их «стационарными неполными» СФЕ типа «(вопрос) — его коррелят — ответ», по аналогии с предложениями, которые возникли как неполные, но теперь не воспринимаются как таковые [29, 30].

*

Осталось суммировать полученные результаты, чтобы дать им оценку и тем самым ответить на последний вопрос — о значении изучения дериватов ВОЕ.

Понятие деривата ВОЕ, насколько нам известно, до сих пор сформулировано не было, система дериватов ВОЕ ни в одном языке не была выявлена и даже не была поставлена задача систематизации подобных синтаксических единиц. В настоящей статье сформулировано соответствующее понятие, проанализирована структура английских дериватов ВОЕ и изложены их классификационные признаки.

Дериваты ВОЕ — это предложения и СФЕ, обязательными компонентами которых являются один коррелят вопроса и один ответ, а факультативными — дополнительные корреляты вопросов и ответы, а также вопрос и операторы: связки и заместители. Коррелят вопроса является активным членом деривации, а ответ — пассивным. Коррелят вопроса и переспрос — перекрещивающиеся понятия. От переспроса коррелят вопроса отличается тем, что является отражением диалогического или монологического вопроса, а переспрос является отражением диалогической реплики, высказанной с любой целью. Переспросы после вопросительных реплик принадлежат к той части коррелятов вопросов, которые при наличии ответа стоят перед ним, являются свободными, сохраняют порядок слов вопроса и произносятся с повышающейся интонацией. Их замена для переспросов специфична: полная или частичная абстрагирующая замена предыдущей реплики. От вопроса коррелят отличается интонацией, а также часто — порядком слов, подвижностью по отношению к ответу и объединением с ним в одну фразу. Дериваты ВОЕ, не содержащие вопроса, будь то предложения или СФЕ, правомерно считать «стационарными неполными» СФЕ типа «(вопрос) — его коррелят — ответ». Факультативность операторов может свидетельствовать о том, что они появились в дериватах ВОЕ на более поздних стадиях развития последних. Избыточность, возникающая при употреблении интерпозитивных заместителей, полезная, поскольку обеспечивает надежность передачи информации. Связка, в зависимости от интонационного членения деривата ВОЕ, могла появиться там вместе с постпозитивным обязательным компонентом или по аналогии с употреблением связок в предложениях других типов.

Структурно-функциональная классификация дериватов ВОЕ основана на моделиобразующих и вариативных признаках, доступных наблюдению и поддающихся формализации. Моделиобразующими признаками

являются: тип вопроса (который при отсутствии вопроса определяется по его корреляту и контексту), наличие вопросов и операторов. Вариативными признаками являются: степень развернутости и связанности коррелята вопроса, степень связанности ответа, позиция их и операторов, наличие расширения за счет употребления более одного коррелята вопроса, ответа или заместителя.

Авторы имеющихся работ по деривационному синтаксису (за немногими исключениями, например [5, с. 44—52]) ограничивались исследованием деривации до уровня предложения включительно, лишь вскользь касаясь деривации на сверхфразовом уровне. Поэтому из числа дериватов ВОЕ в поле зрения исследователей пока, в основном, попадали только некоторые типы простых и сложных предложений. Среди дериватов ВОЕ есть СПП разных логико-семантических типов, простые, осложненные, нестандартные сложные предложения, монологические и диалогические СФЕ. Сверхфразовые исходные единицы (ВОЕ) дают начало фразовым и сверхфразовым дериватам. Для изучения этих процессов деривационному синтаксису необходимо выйти за рамки предложения.

Все это лишний раз свидетельствует о том, что дальнейшее отдельное рассмотрение моделей предложений и СФЕ неоправданно [23]⁴ и что ряд типов СПП принадлежит к разряду синтаксических образований, которые объединяются по иным признакам, нежели гипотаксис [2—4].

Интерпретация рассмотренных синтаксических единиц как дериватов ВОЕ позволяет увидеть в новом ракурсе некоторые типы простых предложений и СПП, объяснить генезис ряда моделей предложений и СФЕ, а также структуру многих синтаксических единиц, оставшихся за рамками предыдущих классификаций. Это, очевидно, может способствовать построению единой синтаксической классификации, основанной на текстовых признаках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е. С. Деривация, транспозиция, конверсия // ВЯ. 1974. № 5. С. 64.
2. Вейцман Г. А. Лингвистика текста и проблема сложноподчиненных предложений // ВЯ. 1984. № 5.
3. Вейцман Г. А. О синтаксической полифункциональности // ФН. 1980. № 6.
4. Veikkman G. A. English complex sentences: fact or fiction? // Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik. 1982. № 2.
5. Уханов Г. П. Типы предложений разговорной речи, соотносительные со сложными синтаксическими единицами (Предложения с препозитивной придаточной частью) // Развитие синтаксиса современного русского языка. М., 1966.
6. Щерба Л. В. Восточно-лужицкое наречие. Т. 1. Приложение. Пг., 1915. С. 4 (примеч.).
7. Якубинский Л. П. О диалогической речи // Русская речь. Вып. 1. Пг. 1923. С. 136, 185.
8. Karcevski S. Sur la phonologie de la phrase // TCLP. 1931. IV. P. 191.
9. Karcevski S. Deux propositions dans une seule phrase // CFS. 1956. 14. P. 40.
10. Мурзин Л. Н. Синтаксическая деривация (На материале производных предложений русского языка): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1976. С. 20.
11. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958. С. 354.
12. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960. С. 179, 359.

⁴ Отрыв СФЕ от предложений еще больше увеличится, если закрепится выделение «трансфрастики» как особого раздела синтаксиса, призванного изучать СФЕ [31]. Во избежание этого было бы целесообразно оговорить, что трансфрастика является разделом синтаксиса речи, и подумать о введении обобщающего наименования, например, «высший синтаксис», для обозначения раздела синтаксиса языка, который объединил бы большой синтаксис (синтаксис предложения) и ту часть синтаксиса текста, которая сейчас занимается изучением моделей СФЕ.

13. *Сумкина А. И.* К истории относительного подчинения в русском языке XIII—XVII вв. // Тр. Ин-та языкознания. 1954. Т. V. С. 173, 174, 200.
14. *Bolinger D. L.* Interrogative structures in American English (The direct question). University of Alabama, 1957. P. 29.
15. *Grimes J. E.* The thread of discourse. The Hague. 1975. P. 341.
16. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
17. *Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики. М.—Л., 1935. С. 234.
18. *Karcevski S.* Introduction à l'étude de l'interjection // CFS. 1941. 1. P. 72
19. *Havers W.* Handbuch der erklärenden Syntax. Heidelberg. 1931.
20. *Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.* A university grammar of English. M., 1982.
21. *Attmann H. J.* Stenzels Satztheorie // Philosophischer Anzeiger. 1929. Jg. 3. Hf. 2. S. 199.
22. *Hornby A. S., Cowie A. P.* Oxford advanced learner's dictionary of current English. V. II. Moscow — Oxford, 1982. P. 67.
23. *Вейхман Г. А.* Предложения и синтаксические единства // ВЯ. 1981. № 4
24. *Вейхман Г. А.* Некоторые новые и менее известные явления английской грамматики (синтаксис) // ИЯШ. 1983. № 3. С. 7—8.
25. *Bolinger D. L. M.* That's that. The Hague — Paris, 1972. P. 34.
26. *Halliday M. A. K.* Notes on transitivity and theme in English. Pt. 2. / Journal of linguistics. 1967. V. 3. № 2. P. 230.
27. *Расторгуева Т. А.* К вопросу о развитии безличных предложений в английском языке // Уч. зап. 1 МГПИИЯ им. М. Тареза. 1959. Т. 19. С. 227.
28. *Сирте Г. О.* A grammar of the English language. V. 3. Boston, 1931. P. 11.
29. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938. С. 362.
30. *Ries J.* Was ist ein Satz? Prag, 1931. S. 128.
31. *Абрамов Б. А.* Трансфрастика и ее объект // Всесоюзная научная конференция «Коммуникативные единицы языка»: Тез. докл. Москва, 12—13 дек. 1984 г. М., 1984. С. 3—6.